

Смысл праздника как карнавализации в трудах М.М. Бахтина

Choi Jin Seok
(Chungbuk Univ., Korea)

1. Становящаяся сила в народной смеховой культуре

Цель данной статьи состоит в том чтобы пересмотреть взгляд на праздник М.М. Бахтина в контексте его теории карнавала. По его мнению, во всяких исторических форм празднеств важнейшим является не определенный тип праздника, а сама становящаяся сила, которая в нем сохраняется и способствует бегству от захвата «официальной культуры» (например, государства, церкви или всех подавляющих систем).

В противоположность этой негативной культуре, «неофициальная» или «народная смеховая культура» в бахтинском мышлении выступает общим имени для того, чтобы обозначить положительную, творческую силу празднеств. Сила эта проявляется лишь в непрерывном процессе становления, самоизменения культуры. Итак, невозможно опеределить ее как неизменяемое, устоявшееся состояние культуры. Вот почему мы обращаем большое внимание на карнавализацию как культурный процесс. Другими словами, ядро народной культуры представляет собой не столько карнавал как исторический факт празднеств, сколько карнавализацию как становящуюся силу в историко-культурном процессе.

2. Три формы народной культуры и ее сила

Согласно Бахтину, многообразные проявления и выражения народной смеховой культуры можно подразделить на три следующих вида форм:

Все они, эти формы, обладают единым стилем и являются частями и частицами единой и целостной народной-смеховой, карнавальной культуры. <...>

1. Обрядово-зрелищные формы (празднества карнавального типа, различные площадные смеховые действия и пр.)

2. Словесные смеховые (в том числе пародийные) произведения разного рода: устные и письменные, на латинском и на народных языках.

3. Различные формы и жанры фамильярно-площадной речи (ругательства, божба, клятва, народные блазоны и др.)¹

Действительно, анализ народной смеховой культуры в ТФР развертывается вокруг этих трех форм. Однако это разделение кажется лишь «формальным», потому что Бахтин не стремится строгим образом разделить конкретные виды карнавальной культуры.² Как раз напротив, его изложение в ТФР является не столько логическими и

¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. С. 8-9. Дальнейшие постраничные ссылки приводятся в тексте с сокращением ТФР.

² Несистематичность изложения ТФР часто отмечалась исследователями. Например, Морсон и Эмерсон указывают, что стиль Бахтина в ТФР сильно отличается от его ранних текстов: «В ТФР мы свидетельствуем, что Бахтин работает против своей дискурсивной привычки и раннего затрудненного стиля, чтобы достичь вдохновенного модуса представления. <...> В результате, ТФР показывает

систематичными, сколько тезисным и «идеальным». Другими словами, его утверждения о народной смеховой культуре выглядят событийной установкой, по которой протекает и образуется поток желающей (и «народной», и «смеховой») силы. Мы можем определить форму выражения как способность к трансформации, и эти формы, выдвинутые Бахтиным, оказываются мутацией и вариацией одной и той же становящейся силы.

Следовательно, несмотря на то, что три вышеуказанные формы, по-видимому, соответствуют разнообразию самих этих форм, на наш взгляд, на деле все они по-разному выражают лишь различия в степени интенсивности становящейся силы (как уже отмечалось, Бахтин называет эту силу «народной» и «смеховой»). К этому мы еще вернемся). Дело не в том, чтобы подразделить разные формы, а в том, каким образом и в какой степени осуществляется эта становящаяся сила. Итак, повторное изложение или неоднократное подчеркивание являются не просто повторением, а переосмыслением одной и той же силы, рассмотренной в разных модальностях.

(1) 1-ые формы: смеховое начало как окно в «второй мир» и «вторую жизнь»

Рассмотрим сначала обрядово-зрелищные формы. Применительно к ним действительно речь идет о принципиальном обосновании области исследования, потому что Бахтин интересуется лишь истинным источником праздничности – т.е. карнавалом в народной смеховой культуре. Поэтому без преувеличений можно сказать, что введение к ТФР содержит в себе все, что связано с проблемами динамики культуры.

Бахтин утверждает, что празднества карнавального типа и связанные с ними смеховые действия или обряды не были исключительными событиями в жизни Средневековья. На самом деле праздники глубоко пронизывали повседневную жизнь средневекового общества. Можно сказать, хотя праздники – либо народно-неофициальные, либо церковно-официальные, происходили лишь время от времени, они составляли фундаментальную основу эпохи. Смех выступает одним из важнейших лейтмотивов, который способствует расширению этой карнавальной атмосферы: «Смех сопровождал обычно и гражданские и бытовые церемониалы и обряды» (ТФР, 9).

В соответствии с этим, не так уж важно, сколько праздников фактически отмечалось в эпоху Средневековья. Ибо то, что важно для Бахтина, заключается в тщательных поисках «смехового начала» в народной культуре. Только посредством этого начала обрядово-зрелищные формы смогли деконструировать серьезность и официальность феодального общества и создать перспективы «второго мира» и «второй жизни» вне государства (здесь государство и церковь являются символическим воплощением негативно централизующей силы). Смех – окно, через которое возможно видеть иной мир по ту сторону этого мира,³ тем более, по Бахтину, мы можем правильно понимать культурное сознание⁴ и саму культуру Средневековья и

особенное смешивание повторения и труда с раблезианским избытком и экстазом». *Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford University Press, 1990. P. 90-91.*

³ В силу этой трансцендентальной (не «трансцендентной»!) функции, смех у Бахтина отличается от его общепринятого смысла. См. также монографию, отражающую точку зрения на смех, более близкую к нашей: *Карасев Л.В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996.* С другой стороны, доминирующая роль смеха в средневековой народной культуре уже доказывалась историографически. «Желал того исследователь или нет, но создается впечатление, что доминантой средневековой народной культуры для него был смех». *Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М.: Искусство, 1981. С. 274.*

⁴ Это следует читать как «культурное бес/сознательное». Об этом см.: *Чои Чжин Сок. Событие и культура. М.М. Бахтин и Ж. Делез/Ф. Гваттари о создании культуры // Философская традиция как понятие и предмет историко-философской науки. М., 2006.*

Ренессанса лишь благодаря этой «двумирности» (ТФР, 10).

Двойной аспект восприятия мира и человеческой жизни возникает не только в эпоху Рабле. Скорее, оба аспекта существовали уже на самых ранних стадиях развития культуры. Бахтин утверждает, что в фольклоре первобытных народов уже присутствует смеховое отношение к миру, наряду с серьезными культами и мифами, но это отношение просто не было отмечено и описано в официальной историографии. При этом на первобытном этапе истории человечества, который предшествует появлению классов и формированию государства, оба – смеховое и серьезное – вида отношения к божеству, миру и человеку были одинаково «священными», т. е. официальными.

Что же изменилось с течением времени? «...в условиях сложившегося классового и государственного строя полное равноправие двух аспектов становится невозможным и все смеховые формы – одни раньше, другие позже – переходят на положение неофициального аспекта, подвергаются известному переосмыслению, осложнению, углублению и становятся основными формами выражения народного мироощущения, народной культуры» (ТФР, 11).

Здесь Бахтин не старается ответить на вопрос о том, когда в истории человечества появились классы или государство. Это не цель его исследования. Одна из причин этой неясности, вероятно, относится к тому, что интерес Бахтина состоит в разъяснении более важного начала культуры, социологическая проверка идеи не имеет для него значения. Так или иначе, карнавальный тип праздника как одна из форм античной жизни, хотя частично в измененном и сокращенном виде, проявлялся и в традиции римской сатурналии, и в средневековых карнавалах.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, нам нужно обратить внимание на понятие «двумирности» в качестве основополагающего мироощущения в жизни средневековья. Дело в том, что этот тезис «иного мира», «второй жизни» может противоречить нашей предпосылке монизма становящейся силы. К тому же, двойственность этого рода выступает главной идеей у Бахтина как философа диалогизма. Признание иного вида мира или жизни – четкое обозначение бахтинской мысли вопреки современному субъектоцентризму, т. е. монизму я-субъекта, «*cogito*». Как отмечал сам Бахтин: «Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия».⁵ Или, «само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться».⁶

Однако в нашем контексте монизм становящейся силы отнюдь не противоречит двойственности (или другим сходным понятиям – «двутелости», «амбивалентности» и т. д., включая множественность). Скорее, всякая возможность двойного расхождения предполагает эту силу как единый и единственный источник динамики. Она противостоит сложившейся и потому неизменной дихотомии («или – или», как божий суд).

В этом случае слово «монизм» означает не абсолютизированный догматизм, а большой резервуар, который наполнен трансформационными силами. Итак, граница, которая существует между «двумя мирами», представляется не трансцендентной, а имманентной для взаимообщения и, конечно, изменяемой. Настоящая причина, по которой Бахтин в ТФР акцентировал внимание на двойственности, заключается в стремлении показать непрерывный переход становящейся силы в противоречивом

⁵ Бахтин М.М. Проблемы творчества / поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. С. 473. (Далее ПТД и ППД; обе вместе – ПТ/ППД)

⁶ Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 312.

единстве.⁷ Карнавал равен самой жизни, и границы в ней лишь доказывают присутствие движущей силы.

Все карнавальные формы последовательно внецерковны и внерелигиозны. **Они принадлежат к совершенно иной сфере бытия.** <...>

Но основное карнавальное ядро этой культуры вовсе не является чисто художественной театрално-зрелищной формой и вообще не входит в область искусства. Оно находится **на границах искусства и самой жизни.** В сущности, **это – сама жизнь**, но оформленная особым игровым образом. <...>

Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальной. От него некуда уйти, ибо **карнавал не знает пространственных границ.** Во время карнавала можно жить только по его законам, то есть по законам карнавальной свободы. **Карнавал носит вселенский характер**, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны. Таков карнавал по своей идее, по своей сущности, которая живо ощущалась всеми его участниками (ТФР, 11-12).

Античный тип жизни продолжал существовать, поскольку в нем беспрестанно работало смеховое начало. Хотя карнавальные празднества, по-видимому, связаны с церковными праздниками и обрядами, эта оборотная сторона жизни средневековья сталкивается с противодействием, которое подавляет и разрушает становящуюся силу, адресованную «народу» и его «свободе», и все это – только благодаря смеховому началу: «Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его праздничная жизнь. Праздничность – существенная особенность всех смеховых обрядово-зрелищных форм средневековья» (ТФР, 13).

Поэтому обрядово-зрелищные формы в народной смеховой культуре не являются временным или просто фактическим явлением. Они представляются особыми формами выражения «народного желания».⁸

(2) 2-ые формы: слово или сила народного желания

Смех и есть основной принцип, который поддерживает динамику праздничной силы жизни.⁹ Здесь следует сказать, что сила эта, хотя и фундаментально бесформенная и трансформационная, может приобрести самое адекватное выражение только в определенной форме – «словесной». Но эта форма, конечно, реализуется не на языко-знаковом уровне, а на жизненном и речевом уровне, подобно тому как в «Марксизме и философии языка» Бахтин делал акцент на прагматике высказывания.¹⁰ Итак, «сложился особый карнавально-площадной стиль речи» (ТФР, 16). Именно так Бахтин объясняет происхождение карнавальной пародии.

⁷ «Распространено мнение о двумирности средневекового сознания. <...> Между обоими мирами, по тогдашним верованиям, при всей их противоположности, существовало постоянное интенсивное общение. <...> Двумирность средневекового сознания представляется относительной; с не меньшим основанием можно говорить о противоречивом единстве двойственно расчлененного средневекового мира». Гуревич А.Я. (ред.) Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2007. С. 379-380.

⁸ См.: Чои Чжин Сок, Проблемы динамики культуры в работах М.М. Бахтина, канд. диссертация, М., РГГУ, 2009.

⁹ Этот принципиальный аспект имеет важнейшее значение, потому что отвечает на вопросы, задававшиеся со стороны противников карнавальной культуры Бахтина. Например, Иглтон говорит о том, что разрешенная трансгрессия является нетрансгрессивной, бессмысленной. *Eagleton T. Walter Benjamin, or Towards a Revolutionary Criticism.* London: Verso, 1981. P. 149.

¹⁰ Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998.

Пафосом смен и обновлений, сознанием веселой относительности господствующих правд и властей проникнуты все формы и символы карнавального языка. Для него очень характерна своеобразная логика «обратности» (à l'envers), «наоборот», «наизнанку», логика непрерывных перемещений верха и низа («колесо»), лица и зада, характерны разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний. **Вторая жизнь, второй мир народной культуры строится в известной мере как пародия на обычную, то есть внекарнавальную жизнь, как «мир наизнанку»** (ТФР, 16).

Рядом с обрядово-зрелищными формами, которые действительно исполнялись на площади, существовали и буквально словесные смеховые произведения. В отличие от канонов, основанных на Библии, ряд шуточных произведений – «Монашеские шутки», «Вечеря Киприана», «Вергилий Марон грамматический» или «Похвала глупости» – представляет творчество, в котором сам смех играет роль главного героя. Бахтин утверждал, что они, хотя и кажутся как будто бессмысленными, на деле – продукт карнавального мироощущения. И потому в словесных смеховых произведениях Средневековья мы можем найти те же принципы текстовой композиции, что и в обрядово-зрелищных формах. Совпадение смехового начала и словесного творчества происходит в народной литературе.

Конечно, это уже не фольклор (хотя некоторая часть этих произведений на народных языках и может быть отнесена к фольклору). Но **вся литература эта была проникнута карнавальным мироощущением**, широко использовала язык карнавальных форм и образов, развивалась под прикрытием узаконенных карнавальных вольностей и – в большинстве случаев – была организационно связана с празднествами карнавального типа, а иногда прямо составляла как бы литературную часть их. И смех в ней – амбивалентный праздничный смех (ТФР, 18).

Подобно тому, что заявлялось в статьях 1940-х годов – «Из предыстории романного слова», «Слово в романе» и др., смеховое начало у Бахтина лежит в основе всей истории романа или романного слова, а его конкретная форма выражения – пародия. Всегда существовало что-то, что реализовывалось рядом с каноническими нормами, но в виде смехотворном, отклоняющемся от официального, серьезного слова, обнаруживая смеховой аспект канонов.

Смеховая литература средневековья развивалась целое тысячелетие и даже больше, так как начала ее относятся еще к христианской античности. За такой длительный период своего существования литература эта, конечно, претерпевала довольно существенные изменения (менее всего изменялась литература на латинском языке). **Были выработаны многообразные жанровые формы и стилистические вариации.** Но при всех исторических и жанровых различиях литература эта остается – в большей или меньшей степени – выражением народно-карнавального мироощущения и пользуется языком карнавальных форм и символов. <...> **Вся официальная церковная идеология и обрядность показаны здесь в смеховом аспекте. Смех проникает здесь в самые высокие сферы религиозного мышления и культа** (ТФР, 19).

Итак, несмотря на неказистую глуповатую наружность, пародийная форма смеха соблюдает принцип аккуратной композиции.¹¹ «Священная пародия» (parodia sacra),

¹¹ Подробнее об этом см.: Даркевич В.П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX-XVI вв. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. С. 29-72.

сосуществовавшая наряду с церковной литературой всю эпоху Средневековья, наглядно это демонстрирует: «Пародийные диспуты и диалоги, пародийные хроники и др. Вся эта литература на латинском языке предполагала у ее авторов некоторую степень учености (иногда довольно высокую). Все это были отзвуки и отгулы площадного карнавального смеха в стенах монастырей, университетов и школ» (ТФР, 20).

Согласно Бахтину, тексты словесных смеховых произведений могли исполнять и на праздничной площади. Вот почему Бахтин в большей степени относит к «праздничной площади» драматургические тексты. Несмотря на большую разницу между карнавальной смеховой формой на площади и чисто театральной формой на сцене, то общее, что сохраняет становящуюся силу народа, – важнее.

(3) 3-ие формы: площадная речь как карнавализация

Но что же представляют из себя различные формы и жанры фамиллярно-площадной речи?

Мир карнавала – мир наизнанку. Он опрокидывает обыкновенный поток и порядок жизни, парализует мироощущение, основывающее повседневность. Однако мы уже понимаем, что он отличается от катастрофы, паники или аномалии, так как карнавал является не разрушением или концом единственного мира, а открытием другого измерения жизни, переходом в иной мир. В связи с этим, у этого иного мира обязательно есть иная форма производства жизни – общение. Бахтин утверждает:

На карнавальной площади в условиях временного упразднения всех иерархических различий и барьеров между людьми и отмены некоторых норм и запретов обычной, то есть внекарнавальной, жизни создается **особый идеально-реальный тип общения между людьми, невозможный в обычной жизни. Это вольный фамиллярно-площадной контакт** между людьми, не знающий никаких дистанций между ними (ТФР, 22).

Бахтин писал, что мир карнавала требует участия в нем. Там не существует никакого разделения на исполнителей и зрителей: «Карнавал не созерцают, – в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден» (ТФР, 12). Приобретение всенародности возможно при том, что карнавал становится самой жизнью, или жизнь – карнавалом. И здесь карнавализация относится к становящейся силе, которая не признает никакой иерархии, разделение или дискриминацию, а знает только само желание, желающую волю (его/ее субъектом, наверное, будет народ, но этот вопрос будет рассмотрен нами в дальнейшем). Поэтому в карнавализации такое значение имеет телесный контакт, непосредственный обмен им как «особый тип общения».

Особо важное значение имела **отмена во время карнавала всех иерархических отношений**. На официальных праздниках иерархические различия подчеркнута демонстрировались: на них полагалось являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место, соответствующее своему рангу. Праздник освящал неравенство. **В противоположность этому на карнавале все считались равными.** Здесь – на карнавальной площади – **господствовала особая форма вольного фамиллярного контакта между людьми**, разделенными в обычной, то есть внекарнавальной, жизни непреодолимыми барьерами сословного, имущественного, служебного, семейного и возрастного положения. На фоне исключительной иерархичности феодально-средневекового строя и крайней сословной и корпоративной

разобщенности людей в условиях обычной жизни этот вольный фамильярный контакт между всеми людьми ощущался очень остро и составлял существенную часть общего карнавального мироощущения. **Человек как бы перерождался для новых, чисто человеческих отношений. Отчуждение временно исчезало. Человек возвращался к себе самому и ощущал себя человеком среди людей.** И эта подлинная человечность отношений не была только предметом воображения или абстрактной мысли, а реально осуществлялась и переживалась в живом материально-чувственном контакте. **Идеально-утопическое и реальное временно сливались в этом единственном в своем роде карнавальном мироощущении** (ТФР, 15-16).

Ругательства-срамословия, кощунства и т. д. представляются остатками, которые сохраняют эту становящуюся силу карнавализации, ибо в них есть амбивалентность убийства и возрождения. Несмотря на то, что формальность Нового времени стала сводить на нет эту силу,¹² те же ругательства как форма фамильярно-площадной речи продолжают выполнять свою функцию – «снижая и умерщвляя, они одновременно возрождали и обновляли» (ТФР, 23). Так, например, мы часто видим, что в близких приятельских отношениях очень естественно употребление ругательств и бранных выражений, взаимных насмешек только для того, чтобы укрепить эти отношения. Еще более существенен телесный контакт – «можно похлопать друг друга по плечу и даже по животу (типичный карнавальный жест)» (ТФР, 22). По Бахтину, ругательства, хотя они и стали изолированной системой (что связано с упадком становящейся силы), являются ближайшей к непосредственному телесному контакту словесной формой.

3. Праздник и карнавал в поисках становления новой культуры

В конце концов, уместно вновь подчеркнуть, что важнейшим для Бахтина является именно карнавализация как становящаяся, переходная сила, поскольку он не обращает внимания на позитивистские исторические факты. Его истинный интерес к карнавалу празднеств состоит в поисках сил, которые подвергают радикальной критике всю застывшую, мертвую культуру и делают ее относительной, изменяемой, в результате чего обновляют и превращают ее в нечто новое, другое.

Чтобы осмыслить эти процессы карнавализации Бахтин вводит еще один термин «гротескный реализм». Не приходится и говорить, он является одной из разных модальностей, которые выражают одну же силу. Подобно случаю карнавала, гротескный реализм – другое имя, которое выражает становящуюся силу культуры во всяких исторических формах празднеств.

¹² Ср.: «Народно-праздничное карнавальное начало, в сущности, неистребимо» (ТФР, 41). Что принципиально, эта становящаяся сила в народной смеховой культуре отнюдь не исчерпывается с течением времени. Дело именно в интенсивности осуществления этой силы в зависимости от того, в каких условиях она находится. «Так и “дух карнавала” может воплощаться в действительности с различной степенью полноты». *Мани Ю.* Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. Выпуск I. 1995 С. 156.